

александр
ЖИТИНСКИЙ

ФИГНЯ

амфора

Александр Николаевич Житинский
Филиал

Серия «6. Кинопроза и либретто»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171066
Фигня: Амфора; СПб.; 2000

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Александр Житинский

Филиал

* * *

АВТОР: Пускай они сами рассказывают. Там у них черт ногу сломит. Так все запуталось, что за какую ниточку ни потянуть – непременно кого-нибудь обидишь, а люди все до чрезвычайности милые, несправедливо будет их обижать. Да в сущности, они ни в чем и не виноваты...

РУМЯНЦЕВ: Я шел устраиваться на работу как молодой специалист. Я, и вправду, молодой, мне двадцать четыре года. Все впереди. Я с надеждами шел, хотел горы своротить.

Дом нашел не сразу. Он ничем не выделялся в ряду старых домов постройки начала века. Не верилось, что здесь располагается солидное учреждение, точнее, его филиал.

Издали заметил молодую мамашу. Она безуспешно пыталась затолкать в подъезд детскую коляску. Пружинная дверь сопротивлялась. Я поспешил на помощь.

У дверей подъезда увидел стеклянную табличку, удостоверяющую, что здесь находится филиал НИИ. В скобках было уточнение: лаборатория НОТ.

НОТ – это научная организация труда.

Мамаша подозрительно на меня глянула, но поняла, что я бескорыстно. Вместе мы вкатили коляску в подъезд. Там был полумрак. Вверх уходила широкая лестница.

– Спасибо, – произнесла мамаша.

– Я вам помогу, – предложил я.

Она недоверчиво улыбнулась, но ухватилась за ручку коляски. Я подхватил с другой стороны, и мы потащили коляску вверх.

– Мальчик или девочка? – спросил я, отдуваясь.

– Не все ли равно? – философски заметила она.

– Пожалуй, вы правы, – отвечал я вежливо. – Разницу начинаешь замечать лет через двадцать.

– У вас такой опыт? – она насмешливо.

– Мама говорила.

Так мы и тащили – она впереди, пятясь, а я сзади. В коляске спал малыш в возрасте около года. Никаким филиалом пока не пахло.

– На каком этаже лаборатория? – спросил я.

– На третьем. Вы к кому?

– На работу устраиваться.

– А-а... – протянула она несколько загадочно.

Мы остановились на площадке третьего этажа.

– Спасибо, – сказала она, доставая ключи. – Вам тоже сюда.

И она указала на дверь. С виду в ней не было ничего необычного, если не считать такой же стеклянной таблички,

как внизу. Сверху латунный надраенный номер 19, с правой стороны – набор разнообразных кнопок с фамилиями и без, как в обычной коммуналке.

Мамаша отперла дверь и вкатила коляску в квартиру. Я вошел следом.

Передо мною открылась просторная прихожая, по которой неторопливо прогуливался кот. Прихожая больше походила на танцзал с огромным, от полу до потолка, зеркалом, вделанным в простенок против двери. Интерьер являл собою странное сочетание учрежденческого и коммунального быта. Висела Доска почета, стояло в углу переходящее красное знамя, но тут же рядом висел на крюке велосипед. Угол прихожей занимали развешанные на веревке пеленки.

Но главное было не в этом. Сразу за дверью, справа, за старинным столиком с изогнутыми ножками и телефоном, сидела пожилая вахтерша в форме стрелка ВОХР. Она пила чай.

– Пропуск, – сказала она, когда мы вошли.

– Анна Семеновна, да сколько ж можно! – возмутилась мамаша. – Туда – пропуск, обратно – пропуск!..

– Ничего не знаю, Катенька. Сергей Ефимович требует, – сочувственно отозвалась вахтерша.

Катенька полезла в карман коляски и вынула два пропуска. Разом раскрыла их и протянула вахтерше. На одном была ее фотография, на другом – младенца с соской.

– Я вам халвы купила, – сказала Катя, пряча пропуск.

– Вот спасибо. Сколько с меня?

– Рубль сорок семь.

Катя положила на стол сверток халвы, вахтерша отсчитала деньги. Я терпеливо ждал. Катя повезла коляску вглубь квартиры.

– А этот?.. С тобой, что ли? – спросила вслед вахтерша, кивнув на меня.

– Нет, он к вам, – Катя даже не обернулась.

– Я к товарищу Шляхману, – сказал я.

– Фамилия?

– Румянцев. Петр Васильевич Румянцев.

Она выдвинула ящичек, принялась рыться в бумагах. В это время в прихожей возникла пожилая дама интеллигентного вида, одетая по-домашнему. В руках у нее была дымящаяся джезва. Дама приостановилась, взглянула на меня.

– Добрый день...

– Здравствуйте, – кивнул я.

– Вы делец или жилец? – спросила она с некоторой надменностью.

– Простите, не понял...

– Делец он, делец! – с досадой воскликнула вахтерша. – Разве не видать? Где же у меня список, ах ты господи!

– Ах, значит, вы делец... – протянула аристократическая старуха. – Меня зовут Виктория Львовна. Заходите на кофе.

– Спасибо... – пробормотал я.

– Делать им нечего. На кофе... – проворчала вахтерша.

Она нашла бумажку и водрузила на нос очки.

– Как фамилия?

– Румянцев.

Старуха плавно удалялась по коридору. Кот шел за нею. Она пропустила его в комнату и исчезла за дверью, успев одарить меня покровительственным взглядом.

– Румянцев... – вахтерша поставила галочку. – Только Сергея Ефимовича нету. Он в исполкоме.

– Чего же вы мне голову морочите? – разозлился я.

– А вы идите к к Горгоне Михайловне. Это все одно. У нас что Сергей Ефимович, что Горгона Михайловна – это все одно.

– Кто она?

– Зам Сергея Ефимовича. По коридору налево.

Я двинулся по коридору, точно разведчик во вражеском тылу. Не успел ступить двух шагов, как приоткрылась дверь ванной и оттуда выглянула хорошенькая женская головка, обмотанная полотенцем.

– Анна Семеновна, не приходил? – спросила она вахтершу пугливым шепотом.

– Нет. Давай быстрее! – так же шепотом отозвалась вахтерша.

– А Горгона?

– У себя.

Женщина с тюрбаном пульей вылетела из ванной, успев улыбнуться мне чуть-чуть заискивающе, и кинулась по ко-

ридору прочь. Она была в халате и банных резиновых шлепанцах. Оставляя мокрые следы, она добежала до какой-то двери и юркнула в нее, как мышка.

Я пошел дальше и постучал наугад в дверь по левую сторону.

– Заходи, не стесняйся! – отозвался хриплый женский голос.

Я заглянул. В большой жилой комнате, тесно заставленной разномастной мебелью, сидела за столом женщина лет сорока с грубым лицом и строчила на швейной машинке.

– Вы Горгона Михайловна? – робко спросил я.

– Следующая дверь, – она мотнула головой, не переставая крутить ручку машинки.

Я отворил следующую дверь. Там был небольшой учрежденческий кабинет с унылым набором: шкаф, стулья, письменный стол. За столом сидела начальница в строгом костюме. Перед нею стояло зеркальце. Начальница примеряла детский слюнявчик с цыпленком. Увидев меня, она молниеносно сорвала слюнявчик с груди.

– Вы ко мне? Почему без стука?!

– Извините, – сказал я. – Мне нужна Горгона Михайловна.

– Я вас слушаю.

– Я Румянцев. Мы договари...

– Я в курсе. Трудовая книжка при вас?

Я протянул трудовую книжку. Она раскрыла ее и стала листать. Но, как видно, ее больше интересовало происходя-

щее в коридоре, откуда донесся звук шагов. Она отбросила книжку и подбежала к дверям, вся обратившись в слух.

– Вода. Вам не кажется?

– М-м... – промычал я.

– Вы не заметили в коридоре ничего подозрительного? – тихо спросила она.

Для меня здесь все было подозрительным, поэтому я опять пожал плечами.

– В районе ванной, – уточнила она.

– Да нет... Девушка какая-то мылась...

– Ага! – ее глаза вспыхнули. – За мной! Вы будете свидетелем.

И она бросилась вон из кабинета, увлекая меня за собой.

КАТЯ: Главное в воспитании ребенка – это делать все по режиму. Вот сейчас мы пришли с гулянья, переоделись и до обеда у нас с Митенькой культурная программа. Я читаю ему сказки. Он стоит в кроватке, вернее, прыгает, уцепившись ручками за оградку, и таращит на меня свои глазенки. Очень похож на Володю, но Володя даже никогда не узнает об этом. Это решено.

– Слушай дальше... «Вот бежит мышка, влезла в эту рукавичку и говорит: „Тут я буду жить“. А в это время лягушка – прыг-прыг! – спрашивает: „Кто, кто в рукавичке живет?“ – „Мышка-поскребушка. А ты кто?“ – „А я лягушка-попрыгушка. Пусти и меня!“ – „Иди“. Вот их уже двое...»

За стеной загудело.

– Слышишь, Митенька? Это фен... Скажи: фен... Тетя Люся опять ванну принимала в рабочее время. Никогда так не делай!

ЛЮСЯ: Люблю ходить по острию бритвы! Это упоительно!

Фен в одной руке, он гудит. Волосы еще мокрые. Другой рукою застегиваю последние пуговицы. Все это я проделываю в бешеном темпе, как солдат по боевой тревоге. Я стою за занавеской, которая отгораживает угол нашей комнаты, где мы обычно пьем чай, примеряем наряды и занимаемся косметикой. Занавеска от фена развивается, как знамя.

Наши девушки по ту сторону наверняка сейчас за меня болеют, как на стадионе. Девушки – это наши сотрудницы Ира, Нина и Ксения Дмитриевна. Последняя уже далеко не девушка, ей скоро на пенсию, но так уж мы друг друга называем. Она, кстати, в душе меня осуждает, я знаю. Но не выдает.

– Люська, быстрее! – зовет Ира.

– С огнем играет... – голос рассудительной Нины.

– Я не понимаю... – вздох Ксении Дмитриевны.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА: Первым делом я осмотрела место преступления, то есть ванную комнату. Налицо явные улики: колонка теплая, воздух повышенно влажен, зеркало запотело. Я обратила на это внимание Петра Васильевича.

– Видите?

Мы вышли из ванной, и я обратилась к вахтерше.

– Кто сейчас мылся, Анна Семеновна?

– А я почему знаю. Я за этой дверью смотрю, за той не смотрю... Дельцы не мылись.

Я направилась в лабораторию женщин. Новичок покорно шел за мной. Несомненно, симпатичный молодой человек.

– А почему дельцы? – спросил он несмело.

– Ах, глупости! Ненавижу это слово. Придумают тоже! Те, кто живут, – жильцы, а кто работает, делом занимаются – дельцы. Понимаете?

– Понимаю...

ЛЮСЯ: Только бы успеть! Вылетаю из-за занавески, мчусь к своему столу, плюхаюсь на стул, успеваю открыть план социального развития отрасли, хватаю карандаш...

...И в эту же секунду появляется Горгона. У меня невинные глаза. Девушки еле сдерживаются. Успела! Горгона понимает, что проиграла. Свирепо смотрит на меня. За нею вваливается незнакомый молодой мужик. Симпатичный, но сразу видно, что тьюфак.

Вопросительно смотрим на Горгону.

– Разрешите представить нового сотрудника, – говорит она медовым голосом. – Петр Васильевич Румянцев, специалист по вычислительной технике.

– У нас разве есть вычислительная техника? – ехидно

спрашивает Ксения.

– Нет, так будет, – отрезает Горгона.

Она приближается к нам, улыбаясь. Хочет представить этому хмырю. Много чести!

– Ксения Дмитриевна, наш старейший сотрудник...

Ксения, конечно, взвизывается.

– Мы же с вами выяснили. Вы – старейший, Горгона Михайловна.

– Два месяца туда-сюда. Пустяки, – Горгона идет к Ире.

– Ирина Петровна, лаборант...

Ирка молодец! Вскрикивает и делает книксен.

– Нина Александровна, инженер по технике безопасности.

Нина скромно кивает. Горгона перемещается ко мне. Ох, не нравится мне это!

– Наш социальный психолог Людмила Серге... А почему у вас волосы мокрые? – внезапно обращается она ко мне.

– Да где же они мокрые? – я дотрагиваюсь до виска.

– Да вот же они мокрые! Вот! – и цап меня за волосы.

– И не мокрые вовсе, а просто... влажные.

– А влажные они почему? – шипит Горгона.

– От работы мысли, – бухает Ира.

– Мысли?! – взвизгивает Горгона и оборачивается к Ирине, как собака, которую дернули за хвост. – Молодой человек, подите сюда.

Хмырь приблизился. Видно, что боится.

– Скажите, могут ли так повлажнеть волосы от работы мысли? – она хватает его за руку и погружает ее в мою прическу. Этот эксперт чуть в обморок не падает.

– Вы принимали ванну! Не отпирайтесь!

– Неправда! – ору.

– Принимали ванну в рабочее время на рабочем месте! В ванной комнате следы мытья.

– Это жильцы, – парирую.

– Жильцы на работе.

– Это Виктория Львовна, – обороняюсь дальше.

– А то мы не знаем привычек Виктории Львовны! Ваш почерк... Петр Васильевич, вы видели, как эта дама принимала ванну?

Правдолюбец закатывает глаза, вздыхает и говорит:

– Видел.

– Вы меня в ванной видели?! Ну, знаете!.. – я вне себя от возмущения.

– Нет, я вас в ванной не видел. Вы оттуда вышли, – оправдывается он, не зная куда девать глаза.

– Я мыла руки! Я должна работать чистыми руками!

– И все-таки голова у вас влажная, – заключает Горгона. – Я вынесу вопрос на профсоюзное собрание.

– Выносите куда хотите.

– Пойдемте, Петр Васильевич.

Они направляются к двери. Хмырь пытается взглядом попросить у меня прощения, но я игнорирую. Хлопает дверь.

– Шпиона нам только не хватало... – вздыхает Ира после паузы.

АННА СЕМЕНОВНА: Утром у нас ну прямо цирк, ей-бо-гу!.. Вот уж попала в учрежденище на старости-то лет. Хотя мое дело маленькое – пропуска проверять и проявлять бдительность.

Перво-наперво появились эти прошмондовки, сабуровские двойняшки Валька и Галька. Здоровые кобылы, уж замуж пора. Сегодня чуть ли не голышом, на ногах вязаные носки до колен, головы обмотали лентами, чтоб прическа не мешала. Одинаковые, как две капли молока, и такие же белые. Упитанные.

– С добрым утром, Анна Семеновна!

– Ну, здравствуйте...

Включили музыку – не приведи Господь! – и сразу начали дергаться. Скачут, задницами вертят, стыдно смотреть. Пол ходуном. Называется аэробика.

И тут же в дверях Горгона, как назло. Показала пропуск честь по чести, кивнула.

– Анна Семеновна, почему танцы в служебном помещении?

А что я ей скажу? Попробуй им запрети.

– Это аэробика! – скачет Валька.

– Прихожая общая! – выдрючивается Галька.

– Я буду ставить вопрос.

– Ставьте! – разворачиваются и дергают задом.

Горгона пошла к себе – будто аршин проглотила. Принципиальная. Жалко ее. Никого у ней нет, одна служба.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА: Каждое утро с тяжелым сердцем прихожу к себе в кабинет, достаю журнал прихода и ухода, расписываюсь и начинаю ждать сотрудников. В прихожей гремит музыка. Можно ли так работать?..

А ловко у них получается. Интересно, смогла бы я? Надо попробовать. Вышла из-за стола, согнула руку в локтях – поехали! Ногу – раз! Вторую – два!

Вваливается Ксения Дмитриевна.

– Доброе... ох!

– Здравствуйте, – принимаю деловой вид, сажусь, придвигаю ей журнал.

Она расписывается, уходит.

Настроение безнадежно испорчено.

АННА СЕМЕНОВНА: Прибежала на работу Ирка, увидела девок.

– Ой, девочки, я тоже хочу!

– Пожалуйста! – отвечают.

Ирка куртку скинула, бросила на Катькины веревки и тоже давай скакать!

– Отметься хоть сперва, – говорю.

– Успею!

Явился Слава Бусиков, художник-оформитель. Славный мужчина, только толстый. Сложил руки на животе, губу выпятил, смотрит. А чего ж не смотреть, девки ядреные. Им бы рожать, а они скачут.

– Надо секцию организовать, – наконец вымолвил.

– Вот и займитесь. Вы же у нас культорг, – Ирка отвечает.

– Это дело физорга, – Бусиков сказал и ушел отмечаться к Горгоне.

Катюшка выкатила коляску с Митей, везет в ясли. Катюшка серьезная, не то что эти. Девки расступились в пляске, пропустили ее к двери. Показала пропуска – свой и Митенькин.

– Бусиков! – я кричу, чтобы музыку переорать.

Бусиков выглянул, сразу все понял, побежал помогать Катюшке спустить коляску вниз. По-моему, Бусиков к Катюшке неровно дышит.

Вот наконец и новенький явился, что вчера Люську заложил. Скромный по первости. Достал новенький пропуск. Девки еще шибче заскакали. Новый мужчина.

– Сперва зайдите к Горгоне Михайловне, – я наставляю. – Распишитесь в журнале, не то она вам прогул закатает.

Он бочком-бочком девок обошел. Оторвать глаз не может. Скромный, а туда же. Ирка на него смотрит, как стрекоза на лягушку.

– Имею право! – кричит. – Рабочий день еще не начался.

– Да я что... Пожалуйста, – он опешил.

Пошел по коридору и наткнулся на Сабурову. Она высунулась из своей комнаты с «Беломором» в зубах.

– Девки, кончайте задницами вертеть! Марш домой!

Посмотрела на новенького, будто прицениваясь. Он дальше пошлепал. Подошла ко мне.

– Новенький?

– Новенький.

– Женат?

– Вроде, нет.

– А ты, Семеновна, точно узнай. Нам «вроде» не нужны... Я кому сказала! – на дочек.

Делать мне больше нечего, как ее прошмондовкам женихов ловить!

Девки удалились. Пришла Нина. А Люськи нет. Поди, опять опоздает.

И тут выплывает эта недорезанная буржуйка. В стеганом халате. Ей этот стеганный халат, как козе баян.

– Бонжур, – поет.

– Бонжур, чего ж не бонжур, – отвечаю.

– У вас по-прежнему хромает произношение, – огорчена.

– Мы гимназиев не кончали, – говорю нарочно.

– Помилуйте, какие гимназии! Мне же слава Богу, не сто лет. Домашнее образование плюс университет.

– А у меня минус университет. Шли бы вы, Виктория Львовна, ей богу. Я на службе.

– Пардон... Куда ж я направлялась? Склероз.

Подошла к туалету, дернула ручку. А оттуда Сабурова орет:

– Ну, кто это там?! Занято.

Ужасно огорчилась, ушла на цыпочках.

Где-то в квартире радио включили. Диктор сказал: «Передаем сигналы точного времени. Начало последнего, шестого сигнала соответствует девяти часам московского времени».

Стало пикать. А я уже его жду, красавца нашего.

С шестым сигналом отворилась дверь, и на пороге – наш начальник Сергей Ефимович. Явился – не запыхался. Отец родной.

– Доброе утро, Анна Семеновна.

– Доброе утро, Сергей Ефимович.

– Все в порядке, Анна Семеновна?

– Как всегда, Сергей Ефимович.

Бачок в туалете – буррр... Начальник туда покосился, но ничего не сказал, пошел к себе.

Сабурова из туалета вышла, злая, как ведьма.

– Я вас заставлю мыть места общего пользования! – говорит.

РУМЯНЦЕВ: Сегодня начальник ставил мне научно-производственную задачу. Это происходило в его кабинете, выходящем эркером на проспект. В эркере на мраморной черной колонне стоял бюст Гомера, тоже мраморный, но белый. Гомер смотрел куда-то вдаль слепыми глазами. На стене ви-

села карта страны, разрисованная непонятными значками, сгрудившимися на Востоке.

На письменном столе – перекидной календарь, телефоны. Сбоку – устройство селекторной связи.

Сергей Ефимович, вооружившись указкой, стоял возле карты, как учитель географии.

– ...Наша отрасль – новая, растущая. Быстро растущая. Как видите, Петр Васильевич, основная масса предприятий расположена в Восточной Сибири. Далеко... – он обвел указкой значительную часть Якутии. – Наша задача – обеспечить отрасль обоснованными рекомендациями в области научной организации труда и создать автоматизированную систему управления отраслью. Системой будете заниматься вы.

– Один? – спросил я, глядя на бескрайние просторы Якутии.

– Почему один? Когда поставим вычислительную машину, у вас будет своя программистка. Вот съедут соседи, тогда мы развернемся!

В коридоре раздался крик: «И яичек захвати десятка два! – Ладно, захвачу...»

– Почему же они не съезжают? – спросил я.

– Не всё сразу. Очень многие уже выехали. В этой комнате, например, жил известный литературовед. Да вы его знаете... Забыл фамилию. Он занимался Вольтером, – указал он на Гомера.

– Разве это не Гомер? – спросил я.

– Да в этом ли суть? – воскликнул Шляхман. – Главное, он уехал, выполнил распоряжение исполкома. Молодец! Вольтера, правда, оставил нам, он прикручен намертво.

– А остальные?

– Тянут, – огорченно констатировал начальник. – У каждого свои причины. А мы ждать не можем, надо разворачивать работу. Отрасль должна трудиться по науке!

В коридоре снова послышались голоса: «Никто не видел плана социалистического развития? – Он в кухне, под супом...»

– Сергей Ефимович, а чем занимается отрасль? – спросил я.

– Видите ли, вопрос непростой, – замялся он. – Но я узнаю. Я непременно узнаю и скажу вам... Производим, надо полагать. Или строим... В крайнем случае, добываем. Но суть-то не в этом! Везде люди, которыми надо управлять научно... Я вам советую не обращать внимания на досадные мелочи, а сразу же включаться в работу. Сейчас будем думать, как мы вас посадим.

– Посадим? – вздрогнул я.

– Я имею в виду рабочее место, – улыбнулся он.

Сергей Ефимович щелкнул селектором и сказал в микрофон:

– Горгона Михайловна, зайдите, пожалуйста.

– Я не Горгона Михайловна, я Виктория Львовна, – раздался голос динамика. – Все равно зайти?

– Нет, не надо. Извините! – он переключил тумблер. – Горгона Михайловна?

– Я.

– Зайдите ко мне, пожалуйста, – начальник отключил селектор и объяснил: – Селектор провели во все комнаты. Видите, что получается.

ГОРГОНА МИХАЙЛОВНА: Я захватила блокнот и сверточек для Катеньки. Единственная моя отрада. Дочка моя была бы сейчас такой, если бы... Вышла в коридор. Надо проверить ванную. Вошла туда – никого. Дотронулась рукою до колонки. Теплая. Значит, опять кто-то мылся.

Открыла дверь к Виктории Львовне. Так и есть! Сидят Ксения Дмитриевна и Виктория Львовна, вяжут макраме. Ксения вскочила.

– Я на минутку зашла...

Да такое макраме год надо вязать! Я молча закрыла дверь, пошла дальше.

В прихожей тихо. Анна Семеновна дремлет, Катя развешивает пеленки. Я подошла к ней, говорю шепотом:

– Катюша, это от меня Митеньке, – сую сверток со слюнявчиками.

– Ой, что вы... – смутилась, развернула сверток.

– Дома! Дома! Спрячьте! – сую ей слюнявчик в руки. Не дай Бог, кто из наших увидит.

Приняла строгий вид и вошла к начальнику.

РУМЯНЦЕВ: Появилась Горгона с блокнотом.

– Слушаю вас.

– Садитесь, пожалуйста... Как вы думаете, где мы разместим Петра Васильевича?

– Этот вопрос мне спать не дает, – с горечью, сказала она. – Ни у вас, ни у меня, сами понимаете... У женщин тесно, потом они непрерывно что-нибудь меряют, будут стесняться...

– Измерения? С помощью чего? – не понял Шляхман.

– Колготки они меряют и юбки, Сергей Ефимович! Им Сабурова приносит. Я борюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.